

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЙ «ТРАДИЦИОНАЛИЗМ» И «РЕСПУБЛИКАНИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СВЯЗИ С ФОРМИРОВАНИЕМ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ РАННЕГО ПРИНЦИПАТА В ЭПОХУ ИМПЕРАТОРА АВГУСТА

В современной историографии термины «традиционализм» и «республиканизм» часто употребляются для описания идеологических представлений римского общества или отдельных римских политиков как для эпохи Поздней республики, так и для периода раннего Принципата. В отношении этих терминов, на наш взгляд, необходимо сделать несколько пояснений, так как они используются не всегда корректно, что вносит некоторую путаницу и приводит к определенным искажениям римской действительности.

Значение понятия «традиционализм» не вызывает особых споров среди современных исследователей. Под этим термином понимают традиционные римские «полисные» представления: *mos maiorum* (нравы предков), «римский миф» и т.п.

Под «республиканизмом» большинство ученых подразумевает идеологические взгляды сторонников «сенатской республики». Так, например, по мнению Х. Виршубски, «оптиматы» интерпретировали «республиканизм» и *libertas* как символы сенатского правления¹. Для А. Гоуинга «республиканизм» эпохи Империи – это совокупность идей и представлений о Республике, которая постепенно идеализировалась и мифологизировалась. Их выразителями была оппозиционно настроенная к императору часть сената, хотя этим «оружием» довольно часто пользовалась и официальная идеология².

Противоположностью «республиканизму» является «монархизм». Эта дихотомия берет свое начало ещё в трудах знаменитых деятелей Просвещения – Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, – которые в политическом учении на первый план ставили свободу и закон. Так, Ш. Монтескье в своем трактате «Размышления о причинах величия и падения римлян» противопоставляет старинный римский республиканизм как прообраз свободы и законности, деспотизму власти императоров.

Идеи просветителей оказали большое влияние на развитие представлений о современном республиканизме и либерализме, которые, в свою очередь, нашли отражение в работах историков XIX–XX вв. Показательно, что в этих работах прослеживается своеобразная черно-

¹ *Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr., 1950. P. 119.*

² *Gowing A. Empire and Memory. Representation of the Roman republic in Imperial Culture. Cambr., 2005. P. 4.*

белая картина, в рамках которой все, что непосредственно связано с эпохой Республики, следует относить к «республиканизму». Это дало возможность подавляющему большинству исследователей говорить о позднереспубликанской идеологии как о чем-то цельном. Такой подход привел к тому, что между такими несходными понятиями, как «республиканизм» и «традиционализм», многие историки ставят знак равенства или вовсе смешивают их значения.

Например, Р. Сайм полагает, что *mos maiorum*, в его трактовке – наследственный обычай (*ancestral custom*), «на практике означал чувства сенаторов преклонного возраста», под которыми историк, несомненно, понимал «оптиматов»³. Дж. Картер называет противников М. Антония в 44 г. до н.э. «традиционалистами»⁴. Э. Уоллас-Хэдрилл отмечает две различные модели поведения принцепса: если *superbia* характеризует «монархические» поступки Августа, то *civilitas* – его поведение как обычного гражданина. Церемониал *civilitas* – это реверанс Октавиана в сторону Республики, традиционалистские сентименты, бравшие начало в Фарсальском сражении и самоубийстве Катона⁵.

На преемственность принципата Августа с Республикой и ее традициями указывает В. Эдер, разделяющий период от смерти Юлия Цезаря до прихода к власти Тиберия на пять временных отрезков, которые, по его мнению, отразили «сползание» от Республики к Принципату, что нашло отражение в идеологии нового государственного строя, основой которой стала «республиканская» традиция⁶.

Для К.М. Жирарде «традиционализм» и «республиканизм» совершенно идентичные понятия: «отдельные аспекты традиционализма Августа получили особый отпечаток в идеологии первого принцепса в связи с его опорой на расхожие республиканские представления. При этом отчетливо проявляется связь идеологии Августа с нравами, *exempla* и традиционалистским менталитетом высших римских сословий. «Традиционализм», таким образом, является способом соединить Принципат с республиканскими представлениями, изобразить его как естественное развитие римской истории и в особенности аристократическо-республиканских ценностей»⁷.

Так же думает и Дж. Фирз: «Изображая своего предка в одежде консула, М. Брут, кроме прочего, определил свою идею Свободы, связав ее с конституционными и законными формами традиционного республиканского правительства. Для традиционалиста республиканской эпохи Свобода была юридическим понятием, определяя сово-

³ Syme R. Roman Revolution. L., 1939. P. 315.

⁴ Carter J.M. Battle of Actium. L., 1970. P. 42.

⁵ Wallace-Hadrill A. Civilis Princeps. Between Citizen and King // JRS. 1982. Vol. 72. P. 32–48.

⁶ Eder W. Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link Between Republic and Empire // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and his Principate. Berkeley; L.A.; L., 1990. P. 71–122.

⁷ Girardet K.M. «Traditionalismus» in der Politik des Oktavian/Augustus – mentalitätsgeschichtliche Aspekte // Klio. 1993. Bd. 75. S. 202–218.

купность прав, которые основывались на законах и институциях государства»⁸.

Подобная картина наблюдается и в российской историографии. Г.С. Кнабе, посвятив свои исследования социальной психологии и менталитету римлян эпохи раннего Принципата, считает, что «республиканизм» уходил глубоко в массовое сознание, в котором «легенда стала народным чувством, а традиция – общественной психологией». Именно поэтому Август и его преемники изображали свой режим не в виде противоположности Республике как политической форме, а в виде ее продолжения. «Республиканизм» был лишь частью айсберга, под которым «явственно ощущалась та тайная, угадывающаяся в глубине громада, которая несла на себе эту всем заметную верхушку»⁹. Вполне очевидно, что Г.С. Кнабе блестяще характеризует римский «традиционализм», именуя его при всем при этом «республиканизмом».

О том же говорит и Ю.Г. Чернышов: «Традиционализм можно считать одним из важнейших элементов той “государственной идеологии”, которая сложилась при Августе. Именно это обеспечивало легитимность нового режима в условиях, когда республиканские традиции ещё сохраняли определенное влияние на умы римских граждан»¹⁰. В свою очередь, Я.Ю. Межеричский¹¹ и Ю.Д. Борисов¹² подразумевают под «республиканизмом» римский «традиционализм», основанный на ценностях гражданской общины. Сходные позиции у А.В. Махлаюка, который подчеркивает, что «парадоксальным образом наличие *республиканских* элементов и *традиций* укрепляло авторитарную власть правителей Империи», а в другом месте указывает на то, что «“республиканизм” – это полисно-республиканские представления, *традиции* и институты»¹³.

Таким образом, как видно из приведенных примеров, исследователи не видят особой разницы между «традиционализмом» и «республиканизмом» и соотносят их с аристократическими ценностями «сторонников сената», выходцев из высших сословий.

⁸ *Fears J.R. Antiquity: The Example of Rome // An Uncertain Legacy: Essays on the Pursuit of Liberty. Wilmington, 1997. P. 6.*

⁹ *Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. М., 1981. С. 33–36; он же. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 19–29.*

¹⁰ *Чернышов Ю.Г. К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи // Античное общество IV: Власть и общество в античности. СПб., 2001. С. 209.*

¹¹ *Межеричский Я.Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 3.*

¹² *Борисов Ю.Д. Тиберий Клавдий Нерон: Путь к власти. М., 2001. С. 39.*

¹³ *Махлаюк А.В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис. Курс лекций. М., 2010. С. 176–226.* А.В. Махлаюк дает свою трактовку термина «республиканизм», ссылаясь при этом на работу К. Хопкинса, хотя британский исследователь говорит об основах власти римского императора эпохи Диоклетиана и Константина I (*Hopkins K. Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History. Cambr.; L.; N.Y.; Melbourne, 1978. P. 184–185.*)

Однако, на наш взгляд, между «республиканизмом» и «традиционализмом» есть существенная разница, так как последний был основой для мировоззрения *всего римского общества*, независимо от *сословной принадлежности* или *политических убеждений* его отдельных представителей. «Традиционализм» возник из примитивного крестьянского консерватизма с его благоговейным почтением к богам и знамениям, стремлением к простоте, постоянству и апелляции к прошлому, на которое были ориентированы его нормы и ценности. Римляне видели в земле основу собственности, в солидарности граждан – норму существования, а в верности традициям – основу морали¹⁴.

Приведем пример. Тит Ливий передает речь выходца из низов, Спурия Лигустина, с которой тот в 171 г. до н.э. выступил на народном собрании с предложением не срывать набор войск для очередной военной кампании, потому что это противоречит традиции. Вот отрывок этой речи: «Я, квиристы, Спурий Лигустин, принадлежу к Крустуминской трибе, а родом сабинянин. Отец оставил мне югер земли и маленькую хижину, где я родился, вырос и живу до сих пор. Как только я достиг совершеннолетия, отец женил меня на дочери своего брата, которая принесла с собой благородство характера и целомудрие и родила мне столько детей, сколько было бы вполне достаточно даже для богатого дома...» (*Liv. XLII.34.2–3*. Пер. Н.Н. Трухиной).

Г.С. Кнабе совершенно верно отмечает, что в междоусобных войнах I в. до н.э. Рим утратил важные хозяйственные и политические признаки гражданской общины, но слом этот почти не коснулся идеологии и общественной морали¹⁵. Так же, как и крестьянин II в. до н.э., думал один из ветеранов императора Августа, чья эпитафия сохранилась до наших дней: «Гай Кастриций Кальв, сын Тита, военный трибун из Стеллатинской трибы, земледелец и хороший господин добрых вольноотпущенников, особенно тех, которые толком и честно возделывают свои поля и которые – для земледельца это главное – самостоятельны, зажиточны и ведут хозяйство как надо. Если кто хочет жить дельным и свободным человеком, пусть следует таким правилам: самое первое – чтить богов, людей и заведенный порядок, не желать зла тому, кто выше тебя, уважать родителей, держать слово, никому не говорить плохого, так чтобы и тебе плохого не услышать. Кто не будет вредить другим и останется верным долгу, проживет жизнь в спокойной радости, не зная обид, честную и веселую. Об этом предупреждает вас деревенский человек, воспитанный не в школе философов, а обученный самой природой и практикой. Кастрицию – вольноотпущеннику Луция и Гая ради их заслуг. Его смерть я искренне оплакивал и его могилу охранял, так же как я ему воздвигаю этот памятник, чтобы все вольноотпущенники хранили верность своим господам. Также Кастриции Елене, вольноотпущеннице Гая, ибо она также была

¹⁴ Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 24.

¹⁵ Там же. С. 26.

верна»¹⁶ (CIL. XI.600; AE. 1983. № 413 = 1996. № 665. Пер. Н.А. Машкина)¹⁷. Примечательно, что в латинском тексте этой надписи встречаются основные понятия, на которых основывалась традиционная мораль римской общины, – *pietas, fides, libertas*.

Именно этим традициям и следовал Август. А. Барчези справедливо указывает на то, что политический дискурс *restitutio rei publicae* тесно связан с восстановлением и защитой древних религиозных культов, являвшихся важными аспектами национальной специфики Рима. Идея, на которой он основывается, не была новой: «восстановление» рассматривалось как борьба против упадка «недавнего прошлого» и под ним подразумевалось возрождение обычаев и устоев «отдаленного прошлого», именно там искали примеры и образы для выздоровления современного общества. В эпоху Августа эти традиционные воззрения приобретают большую важность. В это время история Рима строилась вокруг дихотомии «правильного отдаленного прошлого», которое часто связывалось с «золотым веком», и «недавнего прошлого», характеризовавшегося упадком и преступлениями. Настоящее должно было стать искуплением за «недавнее прошлое» и возвращением к самой древней истории Рима, его сакральной основе. Именно с этим связано восстановление римских храмов, возрождение древних жертвенных обрядов и ритуалов. Последние имеют большую значимость, ведь они главные векторы идентификации с «правильным отдаленным прошлым», которые передают «конструктивные» послания, связывающие настоящее с отдаленной древностью¹⁸. Именно отдаленному прошлому были посвящены самые знаменитые литературные памятники эпохи Августа – «Энеида» Вергилия, «Фасты» Овидия, грандиозный лексикон Веррия Флакка, летопись Тита Ливия. В.С. Дуров тонко подмечает, что Ливий, «намеренно архаизируя свой стиль и отдаляясь от языка повседневной речи, высвечивает древность источников, из которых он извлекает исторический материал для своего сочинения. Этим он одновременно демонстрирует свою привержен-

¹⁶ *C(aius) Castricius T(iti) f(ilius) Calvus trib(unus) [mil(itum) legionis] Stellatina [Agr]icola bonoru[m] libertorum benevolus [patronus] maxsimeque eorum qui agros bene [et strenue colant qui] corporis cultus quod maxime opus est [agricolis curam gerant] qui se alant cetera quaequomque habe[nt tueantur] praecepta vera qui volt vere[re] bene et libere v[ivere] haec habeto] primum est pium esse [domino bene] cupias vere[re] parentes] [ffidem bonam [praestes] [noli maledicere ne male] audias inn[ocens] et fidus qui erit] suavem vitam [et offensa carentem] hon[este] [lae]teque] peraget haec non a d[io]ceis vireis institutus sed] [n]atura sua e[st] us[u] agricola meminisse docet vos L(ucio) Castricio L(uci) C(ai) l(iberto) ob merita quod eius mortem dolui et fu[nus] feci et locum dedi] fide]mque monumentum hoc ei feci ut cu[rent] omnes liberti fidem] [pr]aestare patroneis [item Ca]striciae C(ai) l(ibertae) Helenae quod et [ipsa pia fuit].*

¹⁷ Ср.: Машкин Н.А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 302; Кнабе Г.С. Древний Рим... С. 26.

¹⁸ Barchiesi A. Op. cit. P. 218–219.

ность августовской политике, направленной на возрождение вековых ценностей римского народа»¹⁹.

Следовательно, «традиционализм» и «республиканизм» не одно и то же. Однако и это ещё не всё. Так же, как «традиционализм» стал основой для «республиканизма», он послужил базисом для политической агитации «популяр»²⁰. Нобили-аутсайдеры, опиравшиеся в своей политической деятельности на народное собрание, использовали те же лозунги, что и «оптиматы», но были вынуждены отражать в них идеи суверенитета римского народа и его главенства в государстве. Если для «сторонников сената» понятие *res publica* означало государственный строй, при котором они занимали господствующее положение в государстве, то «популяр» под *res publica* подразумевали «общее дело всего народа», а в некоторых случаях – даже *res plebis*. Если «республиканизм» опирался на дуализм *libertas/regnum*, то в основе идеологии «популяр» лежало противоречие *libertas/servitus*. *Libertas* они трактовали как «политическую свободу» плебса, которая исчезла из-за того, что *factio paucorum*, «преступная группа» нобилей, захватила власть в государстве. Практически каждый знаменитый *popularis* объявлял себя *vindex libertatis populi Romani* или *plebis* – защитником народной свободы²¹. Многие «популяр» активно использовали лозунг *rex*, и эту традицию унаследовала «цезарианская» *partes*, в результате чего лозунги *rex* и *clementia* стали их отличительным знаком.

Итак, подведем итоги. Во-первых, понятия «традиционализм» и «республиканизм» нельзя рассматривать как нечто тождественное. Очевидно, что «традиционализм», как совокупность консервативных римских «полюсных» представлений, послужил основой для возникновения «республиканизма», а кроме этого, стал основанием и для политической агитации «популяр». Каждое из этих трех начал, в свою очередь, могло стать источником для формирования официальной идеологии раннего Принципата. Во-вторых, при трактовке идеологических установок римских политиков Поздней республики и раннего Принципата следует четко различать «традиционные» и «республиканские» тенденции, так как их смешение может привести к неправильному пониманию намерений и конечных целей, которые ставили перед собой некоторые политические деятели. Если же традиционные представления и нравственные идеалы всего римского общества приписывать только сторонникам «сенатской республики», тогда римского государственного деятеля, опиравшегося на них в своей политике, следует рассматривать либо как сторонника «сенатской республики»,

¹⁹ Дуров В.С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993. С. 78.

²⁰ Токарев А.Н. Становление официальной идеологии принципата Императора Августа. Харьков, 2011. С. 68–77.

²¹ Ср. с лозунгами императора Августа. Например, начало его «Деяний», где первый римский император объявляет себя защитником римского народа (RGDA, 1), и легенду LIBERTATIS P R VINDEX на эфесской тетрадрахме 28 г. до н. э. (Roman Imperial Coinage. L., 1984. Vol. 1. P. 79. № 476).

либо как «нечестного политика», который шел на заведомый обман, выдавая желаемое за действительное.

A.N. Tokarev

**INTERPRETATION OF «REPUBLICANISM» AND «TRADITIONALISM» IN
A MODERN HISTORIOGRAPHY IN CONNECTION WITH FORMATION OF
THE OFFICIAL IDEOLOGY OF THE EARLY PRINCIPATE DURING AN
EPOCH OF THE EMPEROR AUGUSTUS**

The article is devoted to interpretation of «republicanism» and «traditionalism» in a historiography. Modern researchers don't see a special difference between «traditionalism» and «republicanism» and correlate them with aristocratic values of the senate supporters, natives of the upper classes. However, according to the author, «republicanism» and «traditionalism» can't be synonyms as last was the basis for outlook of all Roman society, regardless of citizens' estate belonging or political convictions. «Traditionalism», as aggregate of Roman «polis» representations, was the basis for «republicanism» and political propaganda of *populares*, and each of them could become a source for formation of the official ideology of early Principate. Therefore it's necessary to differentiate between «traditional» and «republican» tendencies because their displacement may result in misunderstanding intentions and final aims which some Roman political figures put before themselves.